

УДК 947

Е.Ю.Дубровская

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ ГЕЛЬСИНГФОРСА В 1917 г.
(ВОСПРИЯТИЕ ГОРОДА РОССИЙСКИМИ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ)**

The paper dwells upon the difference aspects of political life of Russian Army in Finland at the end of World War I and at the beginning of the Russian Revolution 1917. Special attention is paid to the problems of a long-term semiotic presence of the Empire in the city environment if the Finnish capital and to the peculiarities of mutual perception of each other in a new social atmosphere. The author makes a conclusion that the political coup was accompanied here by the revolution of symbols.

Гельсингфорс (совр. Хельсинки), ставший столицей Финляндии вскоре после ее присоединения к России, изначально строился как город, не связанный с памятью о шведском прошлом. К концу XIX в. он сам стал символом имперской власти в Великом княжестве, противопоставлявшимся прежней древней столице Або (Турку). В его архитектуре и планировке имперская и административная символика поддерживали друг друга и должны были напоминать российским военным о могуществе и величии государства, на страже которого они призваны были стоять здесь, в Финляндии, прикрывая с моря столицу империи.

В годы первой мировой войны город оставался форпостом Российского государства в зоне противоборства воюющих империй, сохраняя вместе с тем во многом уникальный статус центра автономного Великого княжества.

Изучение многосторонних аспектов армейской и флотской повседневности периода первой мировой войны, особенностей психологии российских военных в Финляндии, пред-

ставлений рядовых и офицеров об этносах-соседах (финнах и шведах), исследование вопроса о социально-нравственных нормах военных позволяют представить ту реальность, в которой в 1914 — 1918 гг. оказались тысячи в недавнем прошлом гражданских людей, мобилизованных под ружье и служивших на северо-западном рубеже воюющей Российской империи. Одним из аспектов окружавшей их реальности стало городское пространство финляндской столицы.

Уже в первые дни Российской революции 1917 г. топографический текст Гельсингфорса наполнялся новым символическим содержанием, вбирал продиктованную временем символику преобразования действительности, нуждался в переосмыслении.

Цель настоящего исследования — попытаться взглянуть на пространство «своего» — «чужого» города глазами российских военных, проследить за стремлением матросов и солдат к символическому освоению этого пространства в обстоятельствах, когда «место» их службы осталось прежним, но изменилось само «время». Это позволяет не только сделать наблюдения над многолетним символическим присутствием Империи в городской среде финляндской столицы, но и увидеть, как политический переворот сопровождался здесь переворотом символическим, как в обстановке крайней неопределенности в первые мартовские дни 1917 г. ритуализировалось поведение военных, становясь реакцией на события переломного времени.

Если прежде рядовым военнослужащим и младшим офицерам отводилась роль исполнителей приказов в проведении имперской политики военных, то в обстановке революционных потрясений весны 1917 г. многое во взаимоотношениях жителей великокняжеской столицы и военнослужащих определялось стихийными настроениями матросов и солдат, сошедших с кораблей на берег или отправившихся из казарм на улицы.

Качественно новый характер мировой войны разрушал традиции имперской политики и уклад имперской жизни, а параллельное существование в Финляндии гражданских и военных властей вело к постоянным столкновениям, когда военные вторгались в важнейшие сферы гражданского управления. «Иностранный» характер города беспокоил армейское и флотское командование. По воспоминаниям флаг-капитана командующего Балтийским флотом, капитана 1-го ранга С.Н.Тимирева, Гельсингфорс считался среди русских офицеров «центром германского шпионажа и разрушительной революционной работы». Одной из причин такого предубеждения стал «состав населения», говорящего «на чуждом языке» и «в некоторых своих слоях настроенного германофильски». Опасение вызывала и «продолжительная стоянка больших кораблей (1-я и 2-я бригады линкоров, 2-я бригада крейсеров, эсминцы и миноносцы, всего более ста кораблей действующего флота. — Е.Д.) в Гельсингфорсе». По словам С.Н.Тимирева, частые посещения матросами берега давали агитаторам «полную свободу ведения самой широкой революционной пропаганды среди команд» [1].

В то же время для армейцев и экипажей кораблей Гельсингфорс был самым желанным местом отдыха. Матросы, получившие увольнение на берег, сначала попадали в порт, а затем расходились по знакомым им в городе местам. Самым привлекательным из таких мест являлся Брунс-парк, располагавшийся вблизи порта и предлагавший военнослужащим широкий спектр развлечений. Один раз в неделю команда того или иного корабля в качестве поощрения за службу выводилась в Гельсингфорс «на прогулку», и это становилось настоящим парадом моряков, проходивших через весь город [2].

Зачастую парады русских войск, призванные демонстрировать силу режима, воздействовали на эстетические чувства населения, не искушенного в политике, вдохновляли эмоционально, а военные оркестры оживляли жизнь гарнизонных городов, влияли на музыкальную культуру великокняжеской столицы [3].

Однако проявлявшееся русскими властями в разгар борьбы с так называемым «пан-феннизмом» пренебрежительное отношение к ценностям национальной культуры не оставалось незамеченным жителями Гельсингфорса. Заложниками в этих столкновениях становились российские военные. Финская интеллигенция, прежде всего, шведоязычная, настро-

енная антирусски, обвиняла их в непочтительном отношении к национальным святыням [4]. Гельсингфорс был для военных особым, отчужденным от русского культурного контекста миром, и не только в силу иноязычного окружения. Оппозиция «Восток/Запад» на уровне восприятия символов остро ощущалась выходцами из России, несмотря на государственную и имперскую семиотику центра великокняжеской столицы.

Постепенное освоение города позволяло военным составить семиотическую «шкалу ценностей» различных точек на плане Гельсингфорса. Символические противостояния, в том числе и на уровне городского пространства финляндской столицы, стали частью первой мировой войны наряду с конфликтами между военными и гражданской администрацией Великого княжества, с насаждением чрезвычайных мер военного времени в качестве государственной политики и общей атмосферой взаимного недоверия между российскими военными и жителями Финляндии.

К весне 1917 г. концентрация войск в финляндской столице значительно увеличилась. Если в марте 1915 г. в крепости Свеаборг насчитывалось четыре тыс. военнослужащих, а в казармах на территории Гельсингфорса, в его окрестностях и на островах, составлявших линию обороны города и крепости, — до пяти тыс. чел., то к 4 марта 1917 г. численность сухопутных войск, размещенных в Гельсингфорсе и Свеаборге, выросла до 20 698 чел. [5] Из-за недостатка казарменных помещений они занимали здания финских народных школ, где, в частности, находились все батальоны 510-го Волховского и 511-го Сычевского, роты 428-го Лодейнопольского и 509-го Гжатского полков [6]. Военнослужащие «осваивали» все новые городские пространства.

Служившим в Гельсингфорсе офицерам, солдатам и матросам во время увольнения в город приходилось «обживать» незнакомую территорию с ее площадями, улицами, парками, привыкать к иноязычным топонимам и выстраивать свои отношения с различными объектами городской среды. Какие-то части города носили русские названия, другие же неофициально переименовывались военными по ассоциации со знакомыми местами, прежде виденными в России. Так, скалы в живописных окрестностях города, в Брунс-парке, солдаты и матросы называли «Карпатами». Это было излюбленное место досуга. В 1917 г. в обстановке наступившей «свободы», которая зачастую понималась как вседозволенность, оно стало синонимом веселого времяпровождения с игрой в «орлянку» и алкогольными излишествами [7].

«Карпаты», как и другие городские пространства, удаленные от парадных улиц и площадей (парки Кайсаниemi, Цисперия), воплощали представления рядовых о символике «периферии», оппозиционной официальному «центру», с допустимыми для маргинальных территорий нарушениями поведенческих норм, функционированием бытовых практик «социальных низов», криминальностью. Об этом сохранилось множество свидетельств. Показательны звучавшие весной 1917 г. призывы читателей гельсингфорских и абоских «Известий» не допускать действий, позорящих «революционные войска и юную обретенную свободу» [8].

С маргинальным статусом жителей окраин, социальными низами и девиантным поведением ассоциировались у военнослужащих разные «кофейни», которые расценивались как «нечистые» места городского пространства. В письмах в редакцию «Известий Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих» приводятся адреса таких заведений, где собирались и финны, и русские солдаты и матросы. Невзирая на запреты там производилась продажа крепких напитков, процветала проституция, а бродячие торговцы сбывали всевозможные вещи, преимущественно краденые. Авторы заметок предостерегали от посещения мест, где «зараженная атмосфера спиртом», советовали не ходить на знаменитый еврейский рынок возле Абоских казарм, на котором из-под полы продавалось обмундирование и казенное имущество.

Примечательно, что обсуждение матросами и солдатами первых неофициальных сведений о революции в Петрограде происходило 3 марта 1917 г. в «известных столовых и кофейнях». Здесь нижние чины собирались группами в 5-12 человек, договаривались выступить на следующий день по орудийному сигналу [9]. Такое же постановление вынесли участники матросского митинга за Петроградским мостом [10]. Однако восстание на линкоре

«Андрей Первозванный» в ночь на 4 марта опередило эти намерения. Стихийное выступление команд 2-й бригады линкоров сопровождалось страшными расправами над офицерами. Упоминание об этих расправах впоследствии табуировалось и в речи матросов и солдат заменялось датой, хорошо всем понятной.

С «периферии» Гельсингфорса, какой оставались в представлениях военнослужащих разбросанные по городу казармы, кофейни и отдаленные места проведения митингов, восставшим предстояло двинуться в центр финляндской столицы. Центр города воспринимался как двойник имперского Петрограда, который надо было завоевать.

Первые сведения о событиях в столице России просачивались в виде слухов и порождали страх, тревогу и неуверенность. Еще в полдень 3 марта матросы береговой роты минной обороны, не получавшие официальных сведений о происходившем в Петрограде, собрались во дворе казарм, чтобы выйти в город на демонстрацию. Однако командующий флотом вице-адмирал А.И.Непенин запретил любые манифестации, мотивируя это распоряжение тем, что в городах Финляндии «население нерусское», и демонстрации военных могут «послужить соблазном для населения» [11]. Именно матросы в первые мартовские дни 1917 г. воспринимались офицерами как главная угроза порядку и спокойствию в городе.

С утра 4 марта в центр Гельсингфорса стали стекаться колонны рядовых военнослужащих. Их прохождение через «сакральные» точки пространства города стало и демонстрацией символической «сопричастности» к революционным событиям в Петрограде, и формой протеста против недостаточного информирования со стороны командующего, который попытался удержать матросов и солдат «вне политики».

Комплекс улиц, площадей и архитектурных сооружений городского центра, отмеченных имперской символикой, прежде использовался финским национальным движением для осуществления протестных действий. Подобные выступления связывались, прежде всего, с Сенатской площадью. Особое отношение восставших солдат и матросов к этому локусу подпитывалось памятью о том, что именно здесь в начале XX в. проходили «сходки у памятника Александру II» — демонстрации финляндцев против мер, принимавшихся генерал-губернатором Н.И.Бобриковым, ревностным проводником политики русификации. Для разгона таких демонстраций он использовал казаков, что вызвало невиданное обострение конфликта между финнами и российскими военнослужащими [12].

«Стройно, как вышедшие на парад, шли Свеаборгские части, — рассказывал унтер-офицер Свеаборгского пехотного полка Г.Л.Звонарев, — артиллеристы и телеграфисты с Морской стороны, в полном вооружении, с легкими полевыми орудиями и снарядными ящиками впереди. Духовой оркестр играл "Марсельезу"» [13].

Ритуал шествия предполагал участие в нем не только однополчан, но и военнослужащих разных родов войск, с которыми нужно было символически «воссоединиться», а также освобождение демонстрантами недавних «жертв» рухнувшего режима — арестованных гарнизонной гауптвахты, находившейся в центре города.

Звонарев во главе батальона, подошедшего к центру, повел пехотинцев через Фабианскую на Александровскую улицу в надежде встретиться с колонной однополчан. Но поскольку их на главной улице уже не оказалось, решено было «пойти на суда и соединиться с матросами» [14]. Этим подчеркивалось неприятие солдатами того «образа врага», который им навязывался в эти дни: видя возбуждение рядовых, офицеры полка говорили, что «анархию, поголовную резню и погром замышляют создать матросы», они «сейчас толпами ходят по городу и расстреливают каждого встречного и поперечного» [15].

Прежние «образы врагов», формировавшиеся в течение военных лет в представлениях нижних чинов и строившиеся на этнических стереотипах финнов и особенно шведов, вытеснялись новыми. Центральным среди них становился образ «контрреволюционного» офицерства.

Батальону под командованием Г.Звонарева предстояло проследовать к Морскому собранию, расположенному вблизи порта на Катаянokka (Скаттуден), на территорию, которая виделась как пространство, доступное лишь офицерам. Но отправиться на освоение этого

пространства пехотинцы могли только после того, как символически «избавились» от «чужих» в своих рядах. Такими чужаками оказались немногочисленные офицеры батальона, попытавшиеся вернуть рядовых в казармы. Однако офицеры сами вынуждены были под конвоем пойти обратно, тогда как батальон продолжил «свой путь дальше», чтобы «присоединиться к революционным войскам, поднявшим знамя борьбы за справедливость». Это присоединение отождествлялось солдатами с «исполнением долга перед восставшими, перед самими собой и перед Родиной». Прежний героический символ самодержавной империи — образ воюющей Родины — в эти дни трансформировался в представлениях военнослужащих, став олицетворением свободной революционной России [16].

Падение самодержавия вызвало прилив симпатий финляндцев к России, из Гельсингфорса революционный энтузиазм распространялся по всему княжеству, население которого надеялось на восстановление автономных прав Финляндии и ее основных законов, ослабление тягот военного времени [17].

Как военнослужащие, так и жители Гельсингфорса в обстановке радикальных перемен во всех сферах жизни финляндской столицы ориентировались в своей повседневной практике на определенные образцы политического поведения и на революционную традицию. Исключительное значение общественного ритуала совместного освоения городского центра проявилось в использовании всех знаковых средств, включая язык жестов, пение, музыку, цвет и т.п., что создавало необходимый психологический эффект сопричастности новым ценностям [18]. Горожане оказывались свидетелями и торжественных уличных шествий матросов и солдат, и кровавых сцен самосудов над офицерами [19]. Многие местные жители при помощи хорошо известных символов спешили приветствовать восставших военных. Они подчеркивали свою солидарность с ними, разграничивая «своих» и «чужих» не по этнической принадлежности, а по отношению к новому общественному порядку. В пользу этого свидетельствуют факты восприятия нижними чинами традиций протестных действий населения Гельсингфорса и совместное с горожанами освоение коммуникативного пространства финляндской столицы в дни Февральской революции, во время массовых ритуальных шествий и проведения новых праздников.

Пространство города становилось сценой, на которой разворачивалось ритуальное «действие», связанное с десакрализацией павшей власти и являвшееся продолжением символических актов сжигания портретов царя в казармах и на кораблях [20]. И военнослужащие, и финны проявляли осведомленность о неотъемлемых для подобной ситуации клишированных жестах. Красный бант в этом контексте выполнял присущую политическим символам функцию маркировки «своего» пространства, передачи информации и, наконец, установления контактов между единомышленниками.

Уроженка Гельсингфорса А.Йортикка оказалась очевидцем событий по пути в школу, расположенную в центре города на Георгиевской ул. (Юрьенкату), и обратно. Она вспоминает выстрелы на улице, убитого офицера на крыльце школы, распоряжение учительницы не приходить в класс до появления в газетах соответствующего объявления. На пути домой школьниц остановили русские солдаты и финн, вооруженные винтовками. «Они сняли с нас скаутские значки и вручили полоску красной материи 3-4 см шириной». На вопрос «что с этим делать?» финн приказал прикрепить ленту к крючку на одежде, «чтобы нас пропустил следующий патруль. Патрули стояли на каждом перекрестке» [21].

Ритуальное поведение людей диктовалось экстремальной, кризисной ситуацией смены власти.

В соответствии с традициями городской политической культуры восставшие стремились проводить митинги, демонстрации и шествия в центральной части Гельсингфорса — там, где располагалась бывшая царская резиденция — Мариинский дворец, дом генерал-губернатора, правительственные здания, модные магазины, кафе и рестораны, где собирались высокопоставленные чиновники, офицеры, промышленники и коммерсанты. Эта территория воспринималась ими как место нахождения социального противника, которое необходимо было завоевать, освоить, сделать «своим» [22].

В дни Февральской революции 1917 г. в Гельсингфорсе матросы и солдаты придавали первостепенное значение символическому завоеванию особо отмеченных знаками «имперского присутствия» мест города, его центральных площадей и улиц (Сенатская площадь, знаменитая Эспланада, Александровская улица, здание бывшего царского дворца, Александровский театр и др.).

В ритуализированном поведении нижних чинов во время шествий, демонстраций и митингов тенденция к расширению «своего» пространства проявлялась в спонтанно избираемых маршрутах из периферии «освоенного мира» в центр города. Превращению сферы «чужого» в «свое» способствовало использование музыкальных и графических символов революции, клишированных жестов, а также обращение к намеренным нарушениям норм поведения (попытки уничтожить памятники, напоминавшие о рухнувшей империи, срезание погон с форменной одежды офицеров и рядовых и т.п.).

Весной 1917 г. на митингах на Сенатской площади или в Рабочем доме в Сернесе российские военнослужащие объединялись с финскими рабочими, которые пытались привлечь радикально настроенных рядовых к своей борьбе за установление 8-часового рабочего дня или за принятие сеймом закона о коммунальном самоуправлении [23]. Места проведения их совместных манифестаций и митингов все чаще совпадали с дореволюционной топографией протестных действий горожан, а маршруты демонстраций становились более упорядоченными.

Однако шествия, спланированные финнами, не предполагали прохождения мимо главного из прежних имперских символов города — бывшего царского дворца, что обязательно предусматривалось во время парадов, организуемых русскими военными. Финляндцы сохранили и свои традиционные места проведения митингов, на которые предпочитали собираться без участия солдат и матросов (таким стал сквер на Эспланаде возле памятника выразителю финских национальных устремлений поэту Й.Л.Рунебергу).

Наряду с уже «освоенными» Мариинским дворцом, местом нахождения Исполкома Гельсингфорсского совета, и бывшей царской яхтой «Штандарт», на которой разместился Центральный комитет Балтийского флота, появлялись и новые объекты городского пространства, практически лишенные связи с прежней имперской символикой.

Летом одним из объектов «повышенной значимости», требующим совместного «освоения» радикально настроенными финнами и военнослужащими, неожиданно оказался главный лютеранский собор города [24]. Новой «святыней» для солдат и матросов становились здания Матросского и Артиллерийского клубов, позже — Клуба анархистов вблизи гельсингфорсского порта.

В заключение нужно отметить, что и горожане, и российские военнослужащие — недавние подданные империи, почувствовавшие себя гражданами, зачастую воспринимали политический переворот как ритуальное праздничное «действие», в которое включались здания, сооружения, улицы и площади. Исследование отношений российских военнослужащих с пространствами города и объектами городской среды позволяет увидеть, как в политическом общественном сознании шло утверждение «революционных» символов взамен прежних, связанных с памятью о рухнувшей империи.

1. Тимирев С.Н. Воспоминания морского офицера. СПб., 1998. С.71.
2. Там же. С.155-157.
3. Luntinen P. The Imperial Russian Army and Fleet in Finland 1808 — 1918. Helsinki, 1997. P.406.
4. Обыкновенная история // Финляндская газета. 1914. 8 (21) марта; Den Rysska militärens sjungande på gatorna // Nya Pressen. 1914. 6 Mars.
5. Eerola Ja. «Siunattu olkoon turvamme tuoja...» Upseereihin kohdistunut väkivalta Helsingin venäläisessä varuskunnassa helmikuun vallankumouksen 1917 aikana. Helsingin yliopisto. Humanistinen tiedekunta, Historian laitos. Pro-gradu työ, 1995. Liite 2; Дубровская Е.Ю. Роль Балтийского флота в обеспечении безопасности Петрограда в 1914 — 1917 годах // Петербургские чтения 98-99. СПб., 1999. С.639.
6. Eerola Ja. Op. cit. Liite 7; Звонарев Г. Наши пехотные части в Гельсингфорсе (Из личных впечатлений унтер-офицера Свеаборгского пехотного полка, выделенного из 428-го Лодейнопольского). Гельсингфорс, 1917. С.2.

7. См. карикатуру «Веселье на Гельсингфорских Карпатах» в ж. Моряк. 1917. № 4. С.95.
8. Kansallisarkisto — Национальный архив Финляндии. «Русские военные бумаги». Д.11970 — Письма в редакцию «Известий Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих»; РГА ВМФ. Ф.Р-315. Оп.1. Д.21.
9. Гри-Кри. Две встречи // Моряк. 1918. № 6. С.127.
10. РГА ВМФ. Ф. Р-315. Оп.1. Д.120. Л.36.
11. Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции: Сб. док. М.-Л., 1957. С.29.
12. Ошеров Е.Б., Суни Л.В. Финляндская политика царизма на рубеже XIX-XX вв. Петрозаводск, 1986. С.52; Полвинен Т. Держава и окраина: Н.И.Бобриков — генерал-губернатор Финляндии. 1898 — 1904. СПб., 1997. С.225-236; Соломещ И.М. Финляндская политика царизма в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917 гг.). Петрозаводск, 1992. 90 с.; Luntinen P. Op. cit. P.173-179.
13. Звонарев Г.Л. Указ. соч. С.9.
14. Там же. С.14.
15. Там же. С.4.
16. См. подробнее: Дубровская Е.Ю. Символы революции 1917 года в письмах российских военнослужащих в Финляндии // Россия в XX веке: Реформы и революции. Т.1. М., 2002. С.336-344.
17. Расила В. История Финляндии. Петрозаводск, 1996. С.142; Черняев В.Ю. Российское двоевластие и процесс самоопределения Финляндии // Анатомия революции 1917 года в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С.308-323.
18. Байбурин А.К. Ритуал в системе знаковых средств культуры // Этнознаковые средства культуры. М., 1991. С.23-43; Он же. Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993. 240 с.; Корнаков П.К. Символика и ритуалы революции 1917 г. // Анатомия революции... С.356-365.
19. Hultin T. Päiväkirjani kertoo: 1914—1918. Helsinki, 1938. II osa. S.177-178.
20. Звонарев Г.Л. Указ. соч. С.3; Граф Г.К. На «Новике». Мюнхен, 1922. С.255; Булдаков В.П. Лики революционного хаоса: источники и исследователь // Народ и власть: исторические источники и методы исследования. М., 2004. С.107-122.
21. SKS Arkisto (Архив финского литературного общества). «1918» kokoelma. Anni Jortikka. Side 4. S.105; Звонарев Г.Л. Указ. соч. С.8-9.
22. См. также: Колоницкий Б.И. // Исторические записки. М., 2003. Т.6 (124). С.327-341.
23. Залежский В.Н. Гельсингфорс весной и летом 1917 г. // Пролетарская революция. 1923. № 5. С.126-128.
24. Грандиозный скандал в Николаевской церкви // К сведению финляндского православного духовенства. Гельсингфорс, 1917. С.19; Троицкий Д. В единении — сила // Там же. С.13; Soikkanen H. Kansalaissota dokumentteina. Valkoista ja punaista sanankäyttöä v.1917 — 1918. Osa 1. Helsinki, 1967. S.88-92.